
Е.Б. Галицкий, М.И. Левин

ВЗЯТКООБУЧЕНИЕ И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Статья поступила
в редакцию
в августе 2008 г.

В статье рассматриваются типичные механизмы коррупции в российском образовании. Анализируется распространенность в обществе установок, делающих коррупцию возможной. Образовательное учреждение при этом рассматривается как монополия, диктующая свои условия потребителям — учащимся и их родителям. На основе анализа данных массовых опросов родителей, принадлежащих к разным слоям населения, в различных регионах страны авторы приходят к выводу, что если ситуация не начнет меняться, высока вероятность возникновения в стране фактически кастового общества, в котором слои населения, самовоспроизводясь, будут все более отдаляться друг от друга.

Аннотация

Система образования в нашей стране (см., например, [1]), состоит из трех подсистем:

- 1) официально и реально бесплатная;
- 2) официально и реально платная;
- 3) официально бесплатная, а реально платная.

Последнюю подсистему можно, правда весьма условно, разделить на «серый» сектор, предусматривающий неофициальные, но не противоречащие законодательству платежи, например частным репетиторам, и «теневой» — коррупционный, противозаконный.

Масштабы коррупционного сектора достаточно велики. Например, взятка за поступление на платное (!) отделение одного из самых престижных московских вузов в 2008 г. составляет 100 тыс. евро. Согласно данным опросов фонда «Общественное мнение», лежащим в основе статистического анализа в данной статье, за поступление в вузы и в ходе учебы своих детей в вузах в 2005/06 учебном году россияне дали взятку на сумму 618 млн долл., или 14,5 млрд руб. При этом взятки составили, по нашим данным, около 40% всех затрат, понесенных семьями на стадии поступления детей в вузы. Детальный статистический анализ социальной базы этого сектора будет проведен во второй части настоящей работы, а в первой части мы обсудим, почему и как возникает коррупционный сектор в системе образования.

В данной статье анализируется низовая коррупция на стадиях как дошкольного, так и начального, среднего и высшего (общего и

Введение

профессионального) образования. Второго высшего образования и иных видов дополнительного образования взрослых, а также послевузовского обучения — аспирантуры, докторантуры — мы не будем касаться. Последние заслуживают специального анализа, так как они тесно связаны с привилегиями, которые дают ученые звания.

Предметом отдельного разговора является и поведение взяточполучателей в сфере образования. Мы сконцентрируемся лишь на поведении взяточдателей, которое рассмотрим на основании данных массовых репрезентативных опросов населения страны¹.

Механизмы
низовой кор-
рупции в систе-
ме образова-
ния

Когда говорят о коррупции в системе образования [9; 10], обычно имеют в виду именно государственное образование, т.е. тот общественный сектор экономической структуры страны, который финансируется главным образом из государственного бюджета. Распределение и использование денег, собираемых помимо налогов, пожертвований и т.п. с домохозяйств официально (легально!), довольно редко рассматривается на предмет коррупции.

Под коррупцией мы будем понимать использование своего положения, должности, служебных полномочий для извлечения незаконной (!) прибыли и прочей ренты [2; 3; 5; 7; 10].

Коррупция возникает и существует как в государственном, так и в частном, коммерческом секторе образования. Коррупция в системе образования (как и в других системах) условно делится на два вида: верхушечную и низовую. Первая — это «начальство», «генералы», вторая — «рядовые»: преподаватели, воспитатели, сотрудники администрации. На этих уровнях коррупция, как правило (но не обязательно), различна по виду, форме дохода, получаемого соответствующим экономическим агентом. Коррупционный доход наверху — это часто результат кражи, расхищения бюджетных средств, внизу — взятки. Создание возможностей и для первого, и для второго требует построения некоторых схем, более или менее изощренных.

Приведем несколько ситуаций, которые, судя по результатам бесед авторов с родителями, достаточно типичны для российской системы образования.

Пример 1. Администрация детского сада собирает с родителей, устраивающих своих детей в хороший, престижный сад, деньги на ремонт: «Чем больше дашь, тем больше шансов, что ребенка примут». Налицо коррупция путем создания аукциона «втемную». Часть собранных денег руководство сада присваивает. Родители «подкармливают» (в виде подарков, премий и пр.) воспитателей, нянь за внимательное отношение к ребенку.

Пример 2. Спецшкола (английская). Директриса требует денег с родителей «на улучшение языковой подготовки», а со своей

¹ Вопрос о том, как функционировала бы система российского образования без коррупции, нетривиален и заслуживает отдельного исследования.

администрации — на замену оборудования в классах. В последнем случае предусматриваются «откаты» соответствующим чиновникам. Учителя школы сами систематически «прогуливают» уроки, но предлагают ученикам за мзду поставить хорошие оценки вне зависимости от реальных знаний. Родители, как правило, боятся сказать «нет». Директор покрывает учителей, а те — директора.

Пример 3. Университет в городе В. Приемные экзамены по математике на экономическом факультете готовятся и проводятся сотрудниками математического факультета. Каждый из сотрудников получает «квоту» — количество «своих», которых ему разрешается принять. «Свой» — это тот, кому он будет давать частные уроки, у кого он будет просто брать взятки и т.п. Квота зависит от места в иерархии, выстроенной руководством факультета. Определенную квоту имеет и само руководство. Какая-то доля абитуриентов (3–4%) принимается честно — для демонстрации в случае скандала. Правоохранительные органы включены в коррупционную сеть. Руководство университета делает вид, что ничего не знает. Система устойчива, существует 5–7 лет, и за это время сбоев не было.

Пример 4. Еще два случая из жизни столичных технологических университетов. Они почти идентичны, только в одном случае речь идет об экзамене по математике, а в другом — по английскому языку. В первом случае 70–80% студентов получают неудовлетворительную оценку, после чего каждому из них предлагается взять по десять платных (по 1 тыс. руб. каждый) уроков у того преподавателя, которому они сдавали экзамен, либо у его коллег по кафедре, после чего все согласившиеся успешно пересдают экзамен. Во втором случае доля неудовлетворительных оценок составляет 20–30%. После прохождения в течение 3–5 дней дополнительной платной программы обучения все успешно пересдают экзамен.

Пример 5. Руководитель дипломной работы сам пишет работу за дипломника или поручает это своей команде. Сумма и оценка оговариваются заранее, после чего появление выпускника на защите превращается в формальность, которая и не всегда соблюдается.

Приведенные примеры призваны продемонстрировать, что:

- коррупция, как правило, не хаотична, а организована и системна;
- оба уровня коррупции взаимосвязаны, и действует принцип «рука руку моет»;
- действует принцип «риск невелик, но требуется желание и сноровка»: надо заставить потенциального потребителя стать реальным;
- коррупция имеет место там, где существует дефицит мест или других благ.

Коррупцию в российском образовании провоцируют сравнительно низкие официальные зарплаты в большинстве учебных за-

ведений всех ступеней, с одной стороны, и сочувственное отношение — «моральная поддержка» — общества, способствующее самооправданию коррупционеров — с другой. Эти же факторы снижают вероятность обнаружения коррупционеров и способствуют сокращению их моральных издержек.

Напомним, что, согласно Г. Беккеру и С. Роз-Акерман, принимая решение о коррупционном акте [5; 7], субъект оценивает математическое ожидание выгод и издержек, которые будут иметь место как в случае его совершения, так и в случае отказа от него. Среди них и моральные издержки — осуждение со стороны общества и самоосуждение (самооправдание). Важна, естественно, и вероятность обнаружения коррупционных действий и наказания за них. При этом лица, принимающие решение, учитывают не объективную, а субъективную вероятность. Последняя зависит в первую очередь от их осведомленности и сложившегося в данном социуме общественного мнения.

Надо учитывать и то, что образовательные услуги, особенно в сфере школьного и высшего образования, предоставляются, как правило, локальными монополиями. При этом «локальность» — как по пространству, т.е. по месту проживания, так и по качеству и специфике знаний — часто играет важную роль в стремлении потребителя получить образование в том или ином учебном заведении. Монополистические свойства этой услуги обуславливают возможность отбора потребителя, в частности по уровню подготовки к получению знаний (что положительно). Но наряду с этим они открывают путь для коррупции, делая образование в соответствующем учебном заведении «дефицитом». Взятка тогда представляет собой «цену использования» услуги (услуг). Установление, «подбор» этой цены можно представить моделью торга и (или) моделью последовательного торга [4; 6]. Результат — величина и форма взятки — зависит от обоих участников, от объема и типа предоставляемой услуги, а также от рисков для обоих участников, связанных с наказанием и с надежностью выполнения партнерами принятых на себя обязательств.

Насколько нам известно, нет статистических данных, которые можно было бы использовать для идентификации модели процесса установления «соглашения» о деталях коррупционной сделки. Отличие данных локальных рынков услуг от единого, совершенно конкурентного рынка очевидно. Поэтому нельзя говорить ни о единых ценах, ни о надежных оценках представительных средних цен.

Теперь немного о стимулах к коррупционному поведению. Их, как показывают результаты неоднократных опросов, по меньшей мере три с каждой стороны.

Со стороны дающего: убежденность в невозможности или крайней трудности получения формально «положенной» услуги; желание получить «неположенную» услугу (например, хорошую оценку при слабых знаниях); стремление «подкрепить» (или застраховать).

Со стороны берущего: наличие монопольного положения, позволяющего получить дополнительное вознаграждение, незначи-

тельный риск и отсутствие — часто — морального «штрафа» со стороны окружающих. Пример: преподаватель, составляющий задания к олимпиаде, дает частные уроки по подготовке к той же олимпиаде. Мнение окружающих: «Его затраты времени и усилий по составлению заданий должны достойно оплачиваться».

Остается открытым вопрос, в какой степени достойная легальная заработная плата и легальные высокие доходы в образовании, и не только в нем, устраняют коррупцию. Мы не будем в настоящей работе рассматривать эту проблему (см. [8]), заметим лишь, что недопустимо низкая зарплата заведомо может провоцировать коррупцию.

Перейдем теперь к статистической части нашего исследования, базирующейся на данных, полученных путем опроса родителей, т.е. потенциальных взятодателей¹. Вопросы экономического, и в частности коррупционного, поведения семей в сфере образования детей и взрослых регулярно изучаются в рамках проекта «Мониторинг экономики образования»². Ежегодно проводятся общероссийский и московский репрезентативные опросы. Последний раз эти вопросы подробно изучались в ходе пятой волны исследований осенью 2006 г. Было опрошено 9000 семей (в том числе более 5000 семей с детьми в возрасте от 4 до 22 лет) в рамках общероссийского опроса и 4500 семей (в том числе около 1700 семей с детьми) — в рамках московского опроса.

На основе этого эмпирического материала посмотрим, какие социально-демографические сегменты населения в той или иной мере заражены вирусом коррупционного поведения.

Выше уже отмечалось, что необходимым условием существования коррупции является «моральная поддержка» со стороны окружающих. Проблема состоит в том, что многие, осуждая коррупцию как явление, сами ищут, кому бы дать взятку в той или иной ситуации. Чаще всего это судьбоносные ситуации, когда риск представляется недопустимым. Например, речь может идти о непоступлении в желаемый или даже в любой вуз с последующим призывом на военную службу. Коррупционный же путь в большинстве случаев обеспечивает определенные гарантии. Кроме того, взятка замещает собственные усилия ребенка, которые сегодня далеко не всякий склонен прилагать даже при наличии способностей.

Целью данного раздела является выяснить, в какой степени допустимым, естественным для российского населения в целом и для отдельных социально-демографических групп является коррупционное поведение в системе образования.

Эмпирической основой для оценки склонности семей к такому поведению послужили общероссийский и московский репрезентативные опросы населения, проведенные Фондом «Общественное

Индикаторы
коррупционно-
го поведения
семей на рынке
образования

¹ К сожалению, данными опросов взятополучателей мы пока еще не располагаем.

² См.: <http://education-monitoring.hse.ru/>, <http://bd.fom.ru/report/map/anin02>.

мнение» в рамках пятой волны проекта «Мониторинг экономики образования».

Поскольку коррупционное поведение уголовно наказуемо, трудно себе представить, что все респонденты, дававшие взятки за своего ребенка, сообщат об этом совершенно незнакомому человеку — интервьюеру. Поэтому приводимый ниже анализ выполнялся по ответам респондентов на три косвенных вопроса. Их спрашивали, во-первых, слышали ли они о случаях дачи взяток в таких детских садах, школах, вузах и т.п., как тот, который посещает или где учится их ребенок. Во-вторых, дали или не дали бы они сами взятку за своего ребенка при случае. В-третьих, есть ли у их семьи материальная возможность осуществлять такого рода коррупционные платежи.

По ответам на эти вопросы были построены три показателя склонности семьи к коррупционному поведению. Во-первых, уровень коррупции характеризуется **индикатором информированности**. Разговоры о взятках в окружении семьи легализуют коррупционное поведение и постепенно делают его социально допустимым. Во-вторых, важным показателем коррупционного поведения служит **индикатор готовности** к нему, показывающий, считает ли респондент для себя допустимой дачу взятки за особое отношение к ребенку. В-третьих, для дачи взятки надо располагать соответствующими средствами. Важной характеристикой семьи в данном отношении служит **индикатор возможности**.

Значение «знают» индикатора информированности присваивалось семьям, в которых респондент слышал о случаях дачи хотя бы одного типа взяток на той стадии образования, на которой находится его ребенок¹.

Значение индикатора готовности «безусловно готов» присваивалось семьям, в которых хотя бы на один вопрос о готовности дать за своего ребенка взятку, если бы представилась такая возможность, респондент давал уверенный положительный ответ. Если же хотя бы на один из этих вопросов респондент колебался, но все же давал положительный ответ, семье приписывалось значение индикатора готовности «скорее готов».

Аналогично строился индикатор возможности: его значения «безусловно могут» и «скорее могут» присваивались семьям, где был дан соответственно уверенный или неуверенный положительный ответ на вопрос о том, имеет ли семья материальную возможность осуществлять неофициальные коррупционные платежи на той стадии образования, на которой находится ребенок.

В целом по опросу 39% респондентов из семей с детьми знают о случаях дачи взяток в ходе обучения ребенка; 5% «безусловно готовы» и еще 15% — «скорее готовы» дать такую взятку. Возмож-

¹ Здесь и далее имеются в виду следующие типы взяток: за поступление в детский сад, при посещении детского сада, за поступление в желательную для семьи школу, при учебе в школе или учреждении начального профессионального образования, за поступление в учреждение среднего или высшего профессионального образования, при учебе в учреждении среднего или высшего профессионального образования.

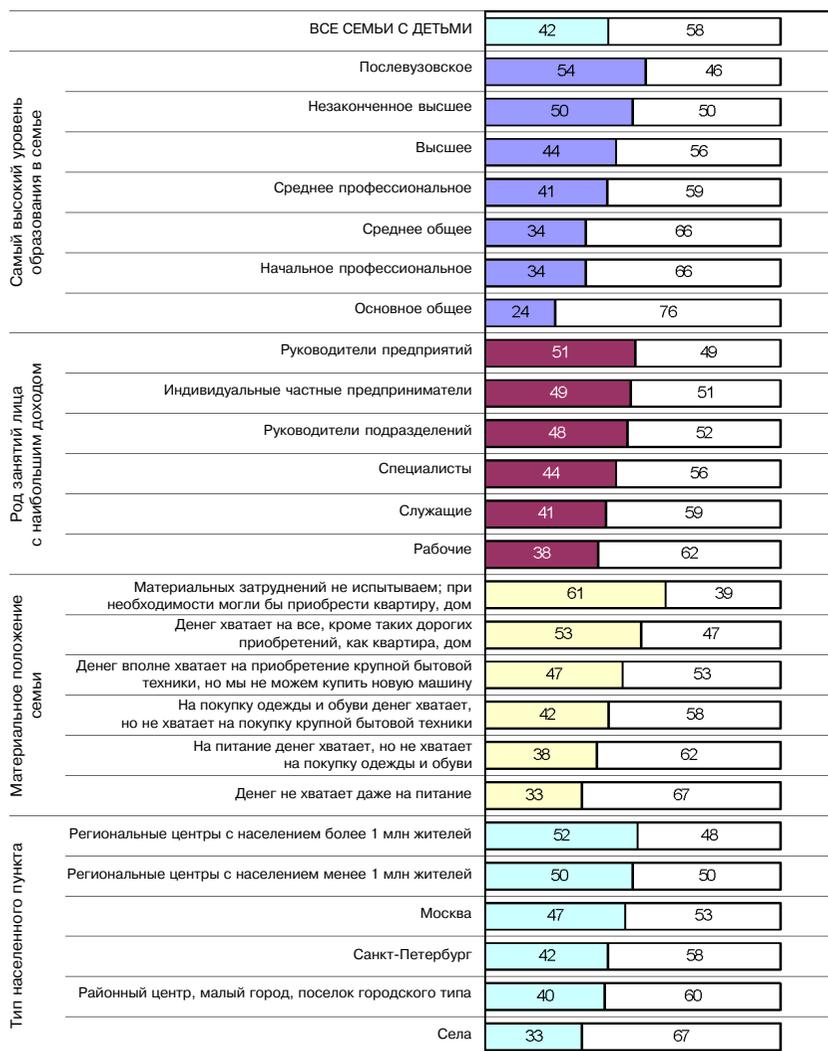
ность осуществлять такого рода неофициальные платежи «безусловно есть» у 5% семей и «скорее есть» у 18% семей.

Значения приведенных выше индикаторов заметно различаются в разных группах семей. При построении этих групп нами были использованы четыре признака, характеризующих семью в целом:

- самый высокий уровень образования в семье;
- род занятий члена семьи с наибольшими доходами;
- материальное положение семьи;
- тип населенного пункта, в котором проживает семья.

Данные о том, какая доля представителей разных социально-демографических групп населения слышала о случаях дачи взяток в таких учебных заведениях, как то, в котором учится или в которое готовится поступать их ребенок, представлены на рис. 1.

Рис. 1. Доли знающих о случаях дачи взяток в подобных учебных заведениях, %

Мы видим, что больше всего информированных о случаях взяточничества среди магистров и лиц с послевузовским образованием (56 и 54% соответственно), а меньше всего — среди лиц с основным общим образованием (24%). О случаях коррупции в сфере образования детей оказалась информирована примерно половина семей, основной доход в которых приносит руководитель или индивидуальный частный предприниматель, тогда как в семьях рабочих такая информированность была зафиксирована лишь в 38% случаев. Семьи с более высоким материальным положением обычно лучше информированы о случаях коррупции в образовании. Что касается населенных пунктов, то информированность о случаях коррупции наиболее высока в Москве и центрах субъектов Федерации (47–52%), несколько ниже — в малых городах и Санкт-Петербурге (40–42%), еще ниже — в селах (33%).

Перейдем к анализу финансовых возможностей семей — кто в состоянии давать за своих детей взятки такого размера, как те, о которых им приходилось слышать (рис. 2).

Чаще всего о том, что в семейном бюджете найдутся средства на взятку, сообщали семьи докторов и кандидатов наук, чуть реже — семьи лиц с высшим, еще чуть реже — с незаконченным высшим образованием. Респонденты из менее образованных семей уверенность в своих финансовых возможностях выражали реже. Материальная готовность давать взятки оказалась более высокой в тех семьях, в которых член семьи с наибольшими доходами занимает более высокую должность. Почти в половине семей руководителей и частных предпринимателей респонденты с той или иной степенью уверенности отмечали, что обладают необходимыми для дачи взяток ресурсами.

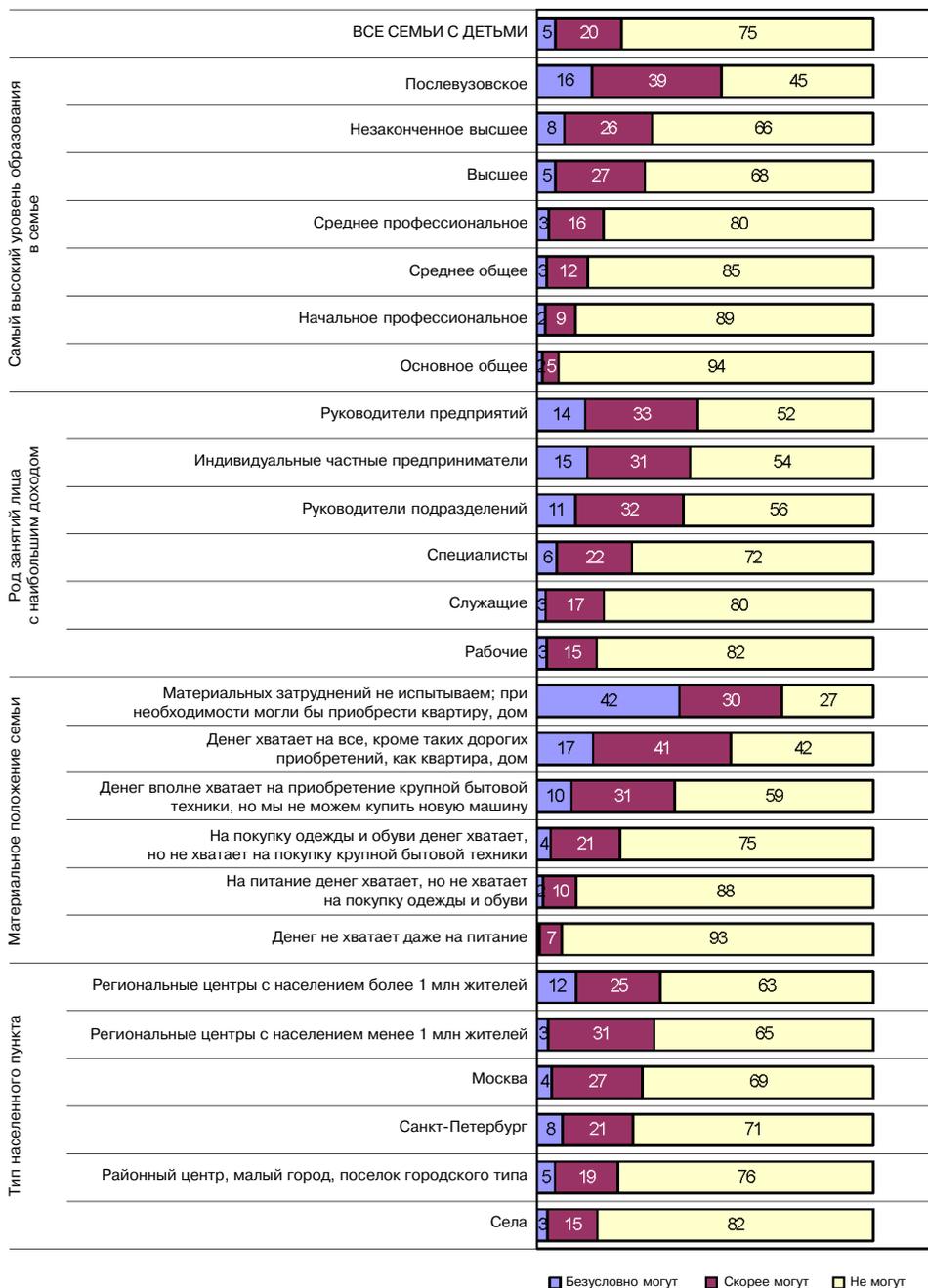
Еще ярче проявляется связь между доступностью для семьи такого «удовольствия», как дача взятки за особое отношение к ребенку, и материальным положением семьи в целом. Лишь чуть больше четверти (27%) семей, которые не испытывают материальных трудностей, считают дачу взяток непозволительной для себя «роскошью». (Можно себе представить, какую сумму взяток имеют в виду эти люди!) При этом две из каждых пяти состоятельных семей (42%), если понадобится, безусловно наберут денег на взятку.

Уверенность в том, что семья при необходимости сможет дать взятку за ребенка, плавно уменьшается со снижением «ранга» населенного пункта: в столицах доля таких семей составляет 34–37%, в областных и республиканских центрах — 29–31%, в малых городах — 24%, в селах — 18%. Если же принимать во внимание лишь уверенные ответы респондентов, то второе место после Москвы (12%) занимают сравнительно небольшие региональные центры (8%). В остальных населенных пунктах в своей «взяткоспособности» уверены не более 5% семей с детьми.

Рассмотрим теперь, как ответили респонденты, в семьях которых есть дети, на вопрос о том, пошли бы они, если понадобится,

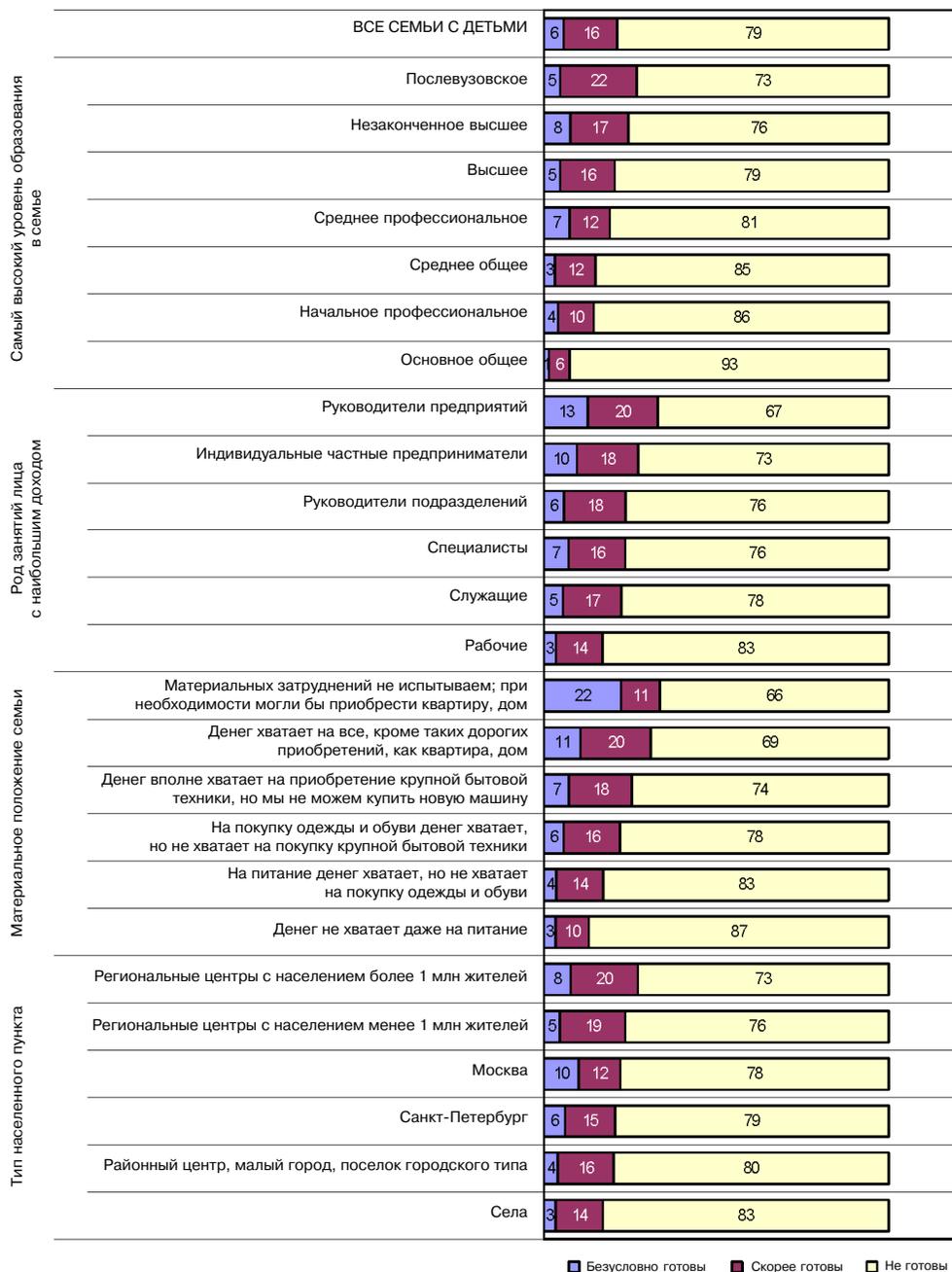

Рис. 2. Доли имеющих финансовую возможность платить взятки при обучении детей, %

на то, чтобы неофициально заплатить за особое отношение к их ребенку (рис. 3).

Рис. 3. Доли склонных дать, если понадобится, взятку за особое отношение к своему ребенку в учебном заведении, %

Наиболее склонны к тому, чтобы дать, если понадобится, взятку за особый подход к своему ребенку, те семьи, в которых самое высокое образование — незаконченное высшее. Более четверти

(27%) таких семей с той или иной степенью уверенности предпочли бы коррупционный путь решения проблемы. Тот же путь весьма приемлем и тогда, когда у кого-то из членов семьи есть высшее образование (25%).

Картина оказывается несколько иной, если рассматривать только твердую готовность семей дать взятку. По этому показателю лидируют семьи, в которых у кого-либо есть высшее образование (8%), а также где есть кандидат или доктор наук (7%).

Что касается рода занятий, то наибольшей склонностью давать взятки за детей отличаются семьи индивидуальных частных предпринимателей: при случае на это пошла бы ровно треть (33%) таких семей, в том числе 13% сделали бы это без всяких колебаний.

Прямая зависимость выявлена также между уровнем материального благосостояния семьи и ее готовностью при случае дать взятку, чтобы улучшить отношение к своему ребенку. По такому пути пошла бы треть (33%) семей, не испытывающих материальных затруднений, и только 13% семей, еле сводящих концы с концами.

Готовность дать взятку за ребенка чаще всего выказывали жители областных и республиканских центров (24–28%), а реже всего — жители сел (17%). Уверенно высказавших такую готовность больше всего в столице — 10%: каждый десятый москвич хотел бы прибегнуть к взятке в случае возникновения у семьи проблем с обучением детей!

Мы рассмотрели отдельные составляющие склонности семей к коррупционному поведению в сфере образования детей. Однако вряд ли можно заподозрить в коррупционной деятельности человека, знающего о случаях взяточничества, но считающего такие поступки для себя недопустимыми, или человека, не имеющего материальной возможности давать взятки. Поэтому был разработан сводный индикатор коррупционного поведения, в основу которого были положены следующие два предположения.

- Взятки давала половина семей, где были получены утвердительные ответы как на вопрос о готовности дать взятку за ребенка, так и на вопрос о наличии для этого материальных возможностей, если хотя бы на один из этих вопросов ответ был дан уверенно.

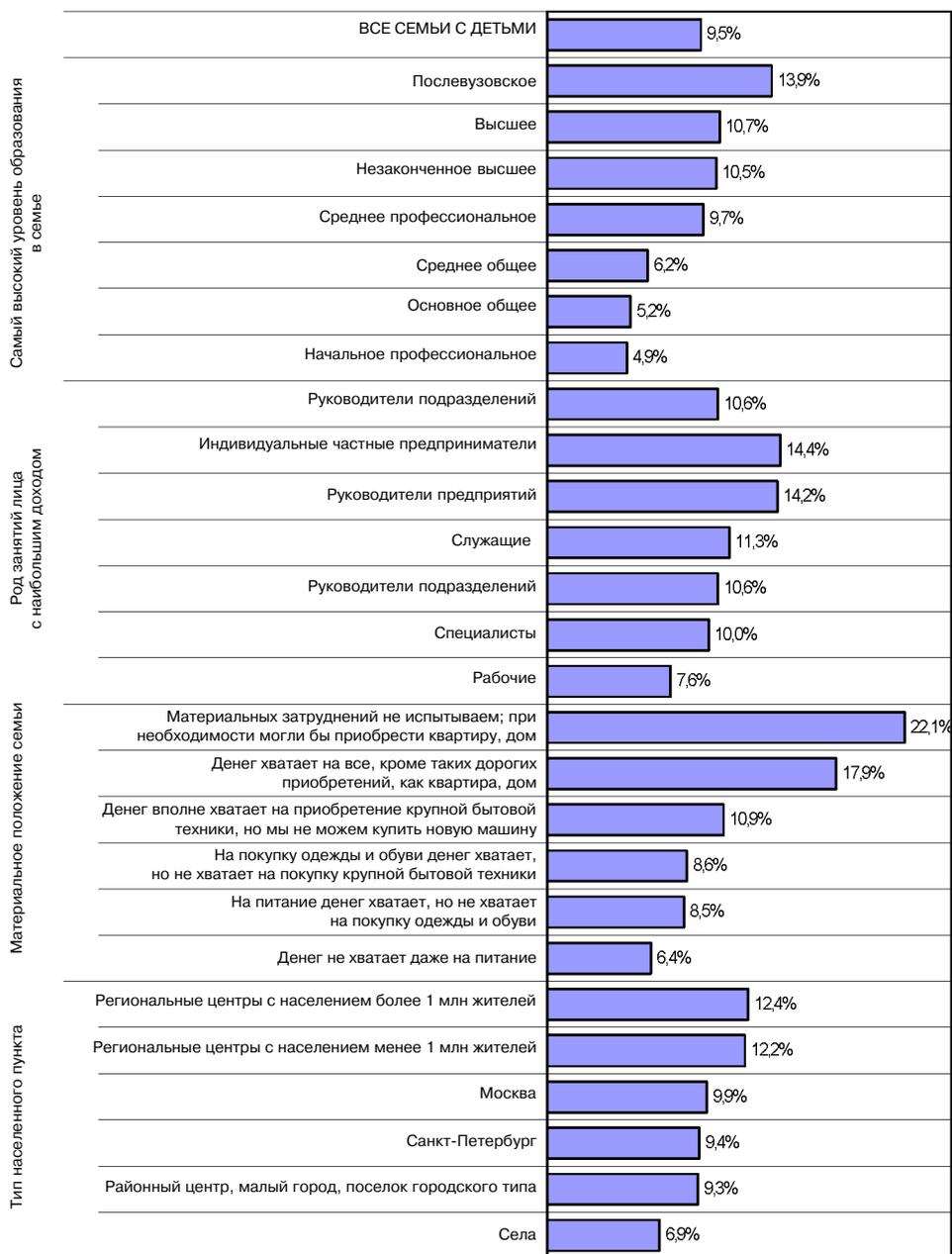
- Взятки давала каждая четвертая семья из тех, где были получены неуверенные утвердительные ответы («скорее да») на оба эти вопроса.

Если исходить из этих предположений, то в среднем давала взятки за своего ребенка каждая десятая семья (9,5%). Доли таких семей различны в разных социально-демографических группах населения (рис. 4).

Самая высокая доля взяткодателей (14%) зафиксирована в наиболее образованных семьях, а также в семьях руководителей предприятий и индивидуальных частных предпринимателей. Наиболее сильное влияние на коррупционное поведение оказывает матери-

Рис. 4. Доли дававших (согласно предположениям) взятки за своего ребенка, %

альное положение семьи. Каждая пятая семья, не испытывающая материальных затруднений, — 22% — давала взятки за своего ребенка. Обнаружена и зависимость доли взяткодателей от типа населенного пункта. Самая высокая (12%) доля семей, дававших

взятки за ребенка, зафиксирована в столице и в региональных центрах с населением менее миллиона человек. Самая низкая (7%) — в селах.

В целом можно заметить, что высокоресурсные семьи более других склонны к коррупционному поведению: наивысшая (22%) доля семей, дававших взятки, выявлена среди тех, кто не испытывает материальных затруднений, несколько меньшая (18%) — среди семей, способных купить все, кроме квартиры, дома и т.п.

Таким образом, в сфере образования на сегодняшний день фиксируется весьма высокий уровень коррупции. Сферу образования отличает наличие мощных стимулов к даче взяток. Это может быть убежденность в невозможности или крайней трудности получения формально «положенной» услуги, желание получить «неположенную» услугу и стремление застраховаться на случай неудачи. Особую тревогу вызывает то, что сегодня значительная часть семей не только знает о случаях взяточничества в сфере образования и вполне терпимо к ним относится, но и не скрывает своей склонности решать возникающие проблемы коррупционным путем.

Исследованием зафиксирована положительная зависимость между социальными ресурсами семьи, с одной стороны, и готовностью к коррупционному поведению — с другой. Выявленные коррупционные механизмы воспроизводят и еще более усиливают социальное расслоение в нашем обществе. Если не удастся снизить коррумпированность нынешней системы образования, наше общество рискует превратиться в кастовое. Для решения этой проблемы необходимо разрушить атмосферу морального оправдания взяток со стороны общества.

* * *

Авторы приносят глубокую благодарность Я.И. Кузьминову, В.М. Полтеровичу, Г.А. Сатарову за плодотворное обсуждение содержательных и методических вопросов, затронутых в настоящей работе, а также рецензенту Шуваловой О.Р. за ценные замечания и предложения, способствовавшие улучшению этой статьи.

1. Галицкий Е.Б., Левин М.И. Коррупция в российской системе образования. Во что обходится семье образование ребенка // Народное образование. 2004. № 10.

2. Кузьминов Я. Тезисы о коррупции // Кузьминов Я. Инвестиционный климат и экономическая стратегия России: Материалы для обсуждения. М., 2000. С. 413–426.

3. Levin M.I., Satarov G.A. (2000) Corruption and Institutions in Russia // European Journal of Political Economy. Vol. 16. P. 113–132.

4. Osborne Martin J., Rubinstein Ariel (1990) Bargaining and markets was published in MIT Press.

5. Rose-Ackerman Susan (1975) The economics of corruption // Journal of Public Economics. Vol. 4(2). P. 187–203.

Выводы

Литература

6. Rubinstein A. (1989) Competitive equilibrium in a market with decentralized trade and strategic behavior: An introduction // G. Feiwel (ed.) The Economics of imperfect competition and employment: Joan Robinson and beyond. P. 243–259.

7. http://www.becker-posner-blog.com/archives/2005/08/economics_of_co.html.

8. www.indem.ru. Доклад «Стимулы, эффективность, коррупция».

9. <http://www.newsru.com/russia/22jun2005/vzyatky.html>.

10. <http://www.u4.no/themes/education/educationcommonforms.cfm> Corruption in the education sector.